

КСЕНИЯ ВЛАСОВА

ПОПАДАНКА
НА ФАКУЛЬТЕТЕ
ПРОРОЧЕСТВ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В58

Иллюстрация *Евгении Князевой*

Власова, Ксения.

В58 Попаданка на факультете пророчеств / Ксения Власова. — Москва : Эксмо, 2026. — 384 с.

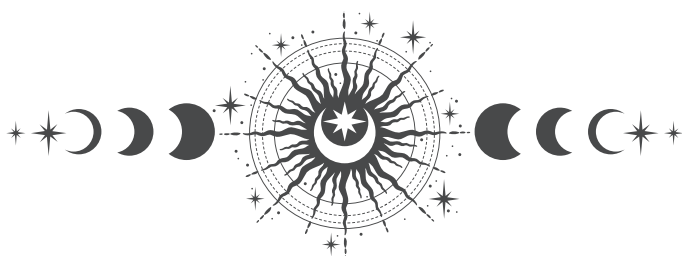
ISBN 978-5-04-242734-3

Никогда — слышите? — никогда не соглашайтесь на сомнительную сделку во сне. Особенно если ее предлагает зеркало. Я согласилась помочь, сама не зная, в чем будет заключаться эта помощь. Я неосторожно поменялась душами со своим двойником из магического мира и теперь изображаю преподавателя ясновидения на факультете пророчеств! Словом, в магическом мире не так уж плохо. Здесь есть красавец преподаватель некромантии и «золотой мальчик» — студент факультета боевой магии. Эти двое не дают мне заскучать! И все бы ничего, если бы... Если бы я не знала, что совсем скоро мне предстоит умереть. Впрочем, умирать я вовсе не собираюсь...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 4(2Рос=Рус)6-44

© Власова К., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-242734-3

Пролог

Шепот за спиной раздражал.

— Что она делает?

— Не уверен, но... Видимо, предсказывает.

— Это понятно. Но зачем, прости Единый, она так сильно машет руками?

Я перестала делать сложные пассы, подсмотренные в «Битве экстрасенсов», и торжественно водрузила ладони на стеклянный шар. Тот был огромный, мутный, с застывшими на стекле жирными следами чьих-то пальцев. Оловянная подставка под ним, привинченная к столу, выглядела подозрительно хлипко.

— Мисс Бартон на днях вернулась из Лексеваля, где слушала лекцию профессора Трездора о новых методиках ясновидения. — В голосе говорящего сквозило скрытое неодобрение. — Вы же знаете этих лексевальцев! Им лишь бы что-нибудь новое придумать!

— Прогресс! — понимающе выплюнул его собеседник с непередаваемой смесью уважения и раздражения.

Голоса за спиной смолкли, и в просторной квадратной комнате с высокими окнами-бойницами воцарилась атмосфера напряженного ожидания.

Моя спина вспотела, и белая рубашка намертво прилипла к коже. Корсет впился в ребра. Я сделала несколько вдохов ртом, тайком вытерев мокрые ладони о длинную, многослойную юбку из тяжелого черного бархата.

Склонившись над столом с шаром, я стояла напротив окна, и на свету бархат красиво играл фиолетовыми переливами. Наверное, эти блики сочетались с лавандовой шляпкой, которую я в спешке нацепила на макушку. Неубранные волосы свободной рыжей гривой лежали на плечах.

Спиной я чувствовала неодобрение женщин и завуалированный интерес мужчин. Я знала, что оконфузилась, но понятия не имела, как забирать волосы наверх при помощи доисторических металлических шпилек.

— Мисс Бартон, так что скажете?

За спиной кашлянули, затем еще раз, уже настойчивее.

Я нехотя обернулась и строго воззрилась на человека, посмеявшего прервать мой спектакль, но тут же сникла под неодобрительным взглядом ректора.

Тот пригладил седовласую макушку, снова многозначительно взглянул на меня и, словно ненароком, достал из нагрудного кармана темно-синего камзола золотые часы на цепочке. Круглая крышка часов звякнула, открываясь, и этот звук заставил меня очнуться.

Что ж, пора выкручиваться.

Я зажмурила глаза, затем распахнула их и замогильным голосом, скопированным из той же передачи про экстрасенсов (а может быть, из ужастика с девочкой, выходящей из телевизора), выдала:

— Небеса сегодня прольют изрядно слез. Будет дождь.

Я исподлобья посмотрела на застывших в изумлении зрителей, очевидно, ожидающих более яркой концовки. Кульминацию я безбожно слила, признаю.

Ректор вместе со всеми посмотрел сначала на меня, затем в окно. Там, за стеклом, защищенным широкой решеткой, завывал злой осенний ветер. По хмурому небу гуляли свинцовые тучи. В щели между камнем и стеклом задувал холодный воздух. Я стояла близко к окну, поэтому мой нос улавливал запах разреженного озона — запах скорого дождя.

«Лия — Капитан Очевидность. Нет, цветов не нужно, спасибо. Обойдемся овациями».

— Благодарю, мисс Бартон, за предсказание, — невозмутимо сказал ректор и обернулся к остальным преподавателям. — Что ж, думаю, всем пора приступить к своим обязанностям. Занятия начнутся с минуты на минуту.

«Силен старикан», — с уважением подумала я. Даже в лице не изменился!

Выдавив из себя смущенную улыбку, я поправила шляпку и вместе со всеми покинула просторную профессорскую. В узком коридоре, выложенном камнем, гуляли сквозняки. В одной рубашке стало зябко, но я, не обращая на это внимания, прислонилась спиной к холодному неоднородному камню и устало выдохнула.

Итак, девять утра. С минуты на минуту начнется пара, где я должна рассказать студентам об основах прорицания. Все бы ничего, но меня волнует один вопрос: как, черт возьми, вернуться домой?

Ну, Лия, ну ты попала! Помогла человеку, называется!

— Мисс Бартон, вам плохо?

Очень.

— Нет, благодарю. Голова немного закружилась.

Почти не солгала. У любого закружится голова, если в ней всплывет отрывок чужого воспоминания.

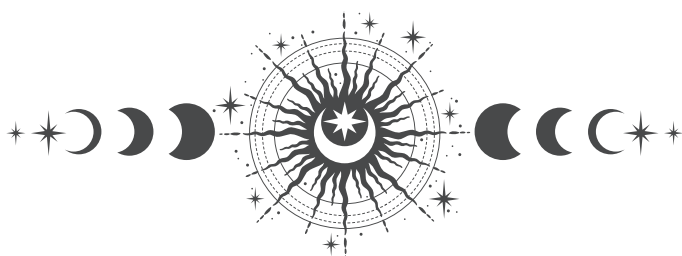
Как наяву, я увидела пышный бал-маскарад, наполненный музыкой, танцами и звоном бокалов.

На натертом до блеска паркете кружатся многочисленные пары. По залу с высоким потолком и огромными окнами, весело переговариваясь, расхаживают дамы и господа в масках, в уголке сидят пожилые матроны и что-то увлеченно обсуждают. В разодетой толпе проносится крик. Он обрывается звоном разбитого стекла и ледящей душу тишиной. Невысокая девушка в изумрудном платье корчится на полу от нестерпимой боли. Ее губы, покрашенные помадой, быстро синеют. Тонкие руки в перчатках по локоть вздрагивают, а затем нога в бальной туфле дергается, и девушка с рыжими волосами, забранными в высокую прическу, замирает навсегда.

Этой девушкой в чужом видении была я.

Теперь я знала, почему хозяйка этого тела решила поменяться со мной местами. Она бежала от судьбы. От той, что увидела сама, своими глазами, в магическом шаре. Если моя копия из этого мира столь же талантлива, сколько хитра, то жить мне осталось совсем недолго.

Глава 1

А начиналось все буднично. В том плане, что день снова не задался: я опоздала на работу, получила нагоняй от начальства и все оставшееся время с ненавистью корпела над годовым финансовым отчетом, тоскливо размышляя, что я здесь делаю и прилично ли будет уволиться, так и не получив первую зарплату.

От пафосного шага с бросанием на стол шефу заявления по собственному желанию останавливали лишь осуждающие слова мамы, которые стояли у меня в ушах: «Лия, ну ведь ты уже два года как окончила институт и до сих пор не можешь определиться, чем хочешь заниматься по жизни! Сколько работ ты сменила за последние полгода? Десять? И ради бога, зачем ты работала официанткой, если у тебя красный диплом экономического факультета?!»

Ну и мамино коронное: «Когда ты повзрослеешь?»

Что подразумевает мама под этими словами, я понимала смутно. С восемнадцати лет я работала и обеспечивала себя сама, а последние три года еще и жила отдельно. Словом, совсем уж инфантильной меня нельзя было назвать. А работа... Мне просто хотелось найти себя.

Но я все никак не находилась.

В метро я отгородилась от толпы наушниками. Музыка позволила не замечать если не запах подземки, то хотя бы удушающую атмосферу вечной спешки и давки. Повиснув на поручне, я слепо смотрела в окно поезда. За стеклом понеслась темнота.

Яркая вспышка света заставила сощуриться. Я снова взглянула в окно и вздрогнула. В мутном стекле мне улыбалось собственное отражение. Все бы ничего, но только в реальности на моих губах не было ни намека на улыбку.

По спине побежали мурашки. Рука дернулась ощупать собственное лицо, но вместо этого я моргнула и снова увидела станцию метро, залитую светом, и свое неясное, хмурое отражение в капюшоне черной (немаркой и практичной) куртки.

Все-таки надо увольняться — поняла я.

Съемная комната встретила меня темнотой и орущим котом Васькой — моим признанием своей несостоятельности в сердечных делах.

Уже перед сном я привычно помечтала о красавце-соседе с верхнего этажа. Промотав мечты о свадьбе и отпуске на Багамах, я счастливо уснула на крестинах нашего первенца, над именем которого все еще стоило подумать лучше.

Мне приснился странный сон. Я, словно Алиса из Страны чудес, оказалась в длинном коридоре, только вместо дверей в нем сияли зеркала. Светильники, подвешенные к самому потолку, давали мало света и лишь слегка рассеивали темноту, придавая ей мистический флер.

Я обернулась. По обе стороны от меня протянулись темные зеркала. Овальные, круглые, квадратные, боль-

шие и маленькие. Некоторые из них оказались завешены тканью. Я медленно шла по красной ковровой дорожке, в полумраке казавшейся шелковой кровавой рекой, и клялась больше не смотреть триллеров перед сном. Я ждала клоуна, который выскочит из-за угла, но собственная фантазия меня удивила.

— Помоги! Пожалуйста, помоги!

Я облизнула сухие губы и обреченно обернулась на женский зов. К счастью, никто тут же не вонзил мне нож в живот. Чувствуя себя глупой блондинкой из фильмов ужасов, которая зачем-то спускается в страшный подвал, я сделала шаг к зеркалу, подернувшемуся разводами. По нему шли круги, будто кто-то бросил камень в спокойную гладь воды.

— Кто здесь? — глупо спросила я, изрядно труся.

Что уж говорить, сон мне катастрофически не нравился!

— Спаси! Пожалуйста!

Я не теряла надежды на диалог.

— Чего ты хочешь?

— Спасти! Пожалуйста!

Я помолчала, поежилась, рассматривая тени на голых стенах, и мудро, как мне показалось, изрекла:

— Так спасайся.

— Ты согласна?

Мне бы насторожиться. Таинственная незнакомка из зеркала, лица которой я по-прежнему не видела, явно воспрянула духом. Из голоса ушли все тоскливые нотки, и в столах больше не слышалось «все тлен, товарищи».

— Чтобы ты спаслась? — уточнила я, раздумывая над тем, когда уже закончится этот кошмар. Впервые во сне я четко понимала, что сплю. — Конечно. Почему нет?

— Скажи это еще раз!

Из нервно поддрагивающей глади зеркала высунулась тонкая женская рука и ухватила меня за ворот кожаной куртки.

— Эй! — закричала я в панике. — Ты что творишь?!

— Скажи, что согласна помочь.

— Да согласна я, согласна! — завопила я, отбиваясь уже всерьез. — Отпусти!

Пальцы разжались, и я кубарем улетела к противоположной стене, чудом не задев другого зеркала.

— И что теперь? — растерянно спросила я, потирая ушибленное плечо.

— А теперь — спи, — торжественно разрешил голос, показавшийся смутно знакомым.

— Подожди, а разве...

На тело внезапно накатила слабость, в голове зашумело, как при резком спуске с большой высоты, и на меня снизошла темнота.

Больше снов не было, а утром...

Утром я проснулась в своем теле, но абсолютно точно не в своей постели. И даже не в своем мире.

Я заложила руки за голову и сладко потянулась. Обрывки странного сна снова всплыли в памяти, и постель вдруг показалась подозрительно мягкой. Я медленно приподнялась — перина подо мной немного прогнулась — и спустила на пол босые ноги, путавшиеся в длинной белоснежной сорочке.

Прищурившись, я с громко ухающим сердцем, упавшим куда-то в пятки, огляделась. Место, где я очутилась, меньше всего напоминало мое съемное, довольно скромное жилье. Нижняя часть стен просторной ком-

наты была закрыта лакированными, натертыми до блеска панелями из светлого дерева, а верхняя — притягивала взгляд девичьими обоями в мелкий цветочек. С высокого потолка свисала огромная темно-зеленая люстра с ажурной вязью рожков. Вот только на месте лампочек виднелись... огарки свеч.

Я сглотнула и осторожно встала с разобранной постели с россыпью мелких вышитых подушек в изголовье. Стараясь унять внутреннюю дрожь, обхватила себя руками и снова прошла растерянным взглядом по комнате.

В большое овальное окно, застекленное словно наспех, стучал ветер. Один из его порывов прилепил к стеклу пожелтевший лист, и тот так и остался там, подрагивая тонким черешком.

Напротив меня стоял громоздкий письменный стол с разбросанными на нем бумагами, книгами и даже какими-то чертежами. Я вытянула шею, почему-то опасаясь подходить ближе, и вздрогнула, рассмотрев чернильницу и перо рядом. За спиной оказался небольшой камин с ажурной решеткой и набором непонятных инструментов рядом. Немного левее — резной платяной шкаф, а чуть дальше — огромное зеркало-трюмо. В нем я отражалась в полный рост.

Поколебавшись, я облизнула губы и шагнула к нему. В голове сразу же вспышками фейерверка пронеслись картинки из сна. Ноги подогнулись, но я все же шагнула в сторону зеркала и застыла, рассматривая себя с расстояния вытянутой руки.

Отражение было моим и в то же время чужим. Мои тонкие волосы цвета морковки, обрезанные для удобства в каре, превратились в густую и волнистую гриву того насыщенного оттенка рыжего, что кажется благородным

и изысканным. С лица, которое я в волнении обхватила ладонями, исчезли веснушки, а цвет кожи стал бледнее, аристократичнее. Даже невзрачные серые глаза вдруг засияли ярче, наводя на ассоциации с графитом.

Я закусила губу и осторожно приподняла просторную сорочку, больше напоминающую безразмерный балахон. Наверное, из такого выпрыгивал Карлсон, пугая жуликов на крыше. Ведь он же выпрыгивал, верно? Хотя, кажется, он обматывался простыней...

Мысли, одна другой абсурднее, забились в голове как птицы в клетке. Мозг замолчал окончательно и потребовал перезагрузки.

Я в панике рассматривала ноги, лишенные признаков вчерашнего педикюра. Аккуратно подстриженные ногти без малейшего намека на лак почему-то окончательно заставили меня поверить в происходящее. Рубашка полетела на пол. Мне нужно было понять масштаб произошедших изменений.

Я оказалась права: тело было мое, но какое-то измененное. Например, талия была явно уже, а грудь — чуть выше. Руки немного тоньше, линия ног — изящнее. Я словно оказалась в теле своей сестры, той, что в семье, может, не самая умная, но уж точно красивая.

Мой рот невольно приоткрылся, и из него вырвалась нервная икота. Делая частые вздохи и задерживая дыхание, я нашарила глазами графин с водой на столе и подошла к нему. Взгляд упал на раскрытую книгу с непонятной вязью символов, и те вдруг, на мгновение растекаясь чернилами по листу, собрались во вполне читаемую надпись.

Икота отступила, зато ноги перестали держать.

Я упала на холодный паркет и сжала пальцами виски. Одно за другим, как волны во время прибоя, накатывали

воспоминания. Они принадлежали не мне, но не воспринимались холодными картинками. В них плескались чувства: сильные, яркие, добрые, негативные, пугающие — разные. Каждый оттенок малейшей эмоции, сопровождающий воспоминание, пронзал как током и проносился по телу, словно сливаясь с ним воедино.

Я одновременно и увидела себя со стороны, и была внутри девушки, удивительно похожей на меня. Ее рыжие волосы, затейливым образом поднятые наверх, спустились красивой волной на одно плечо. Талия, затянутая корсетом поверх темно-синей рубашки, казалась особенно узкой. В ворота чуть распахнутой рубашки виднелись тонкие ключицы. Длинная, многослойная и разноуровневая юбка оплетала ноги и обрывалась у щиколоток ворохом белого кружева.

Девушка хмурилась, и я вместе с ней. Ее взгляд быстро скользил по строчкам книги, которую я мгновение назад увидела раскрытой на столе. Перед моими глазами забегали слова, хотя я стояла далеко и прочитать текст не могла.

«Ясновидение — основное направление магических искусств. Женщинам оно, в силу их природы, дается легче. История показывает, что наиболее сильными предсказательницами были именно женщины. Возьмем, к примеру, Лауру де Керд, сожженную на костре до заключения мира между людьми и магами...»

Вдруг налетел порыв ледяного ветра и вся комната, вся картинка, съезжилась, будто лист в огне, и, опаленная, исчезла в темноте. Тут же передо мной возникло новое видение-воспоминание.

Девушка уверенно ходила взад-вперед по возвышению внизу аудитории. Сверху, на деревянных скамьях, сидели студенты и быстро конспектировали ее слова.